

**ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ:
«Я УЧАСТВОВАЛ В ПАРАДЕ ПОБЕДЫ СТАРШИМ ЛЕЙТЕНАНТОМ...»**

С Евгением Петровичем Чельшевым, академиком РАН, почетным членом Индийской Литературной академии, одним из организаторов и авторов научной программы Конгрессов соотечественников в начале 1990-х, членом Комиссии по написанию истории Великой Отечественной войны, беседовал Алексей Козырев

Алексей Козырев: Евгений Петрович, в ваших научных занятиях военная тематика занимает очень важное место. Что сейчас, в канун юбилея Великой Победы, вы делаете в этом направлении?

Академик Евгений Петрович Чельшев: Кроме того, что я занимаюсь историей Великой Отечественной войны, я ещё председатель Совета ветеранов РАН. Мы стали думать, что должна сделать Академия для юбилея Победы. Решили, что будем издавать наиболее интересные мемуары участников-войны ветеранов, членов Академии, которые ещё живы или уже ушли из жизни. Мой интерес к истории Великой Отечественной войне не любительский: есть публикации на эту тему, я принимаю участие в различных форумах по военно-исторической проблематике. Я являюсь также сопредседателем Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, одной из важнейших задач которого является изучение истории Великой Отечествен-

ной, а также вхожу в состав Главной редакционной комиссии по подготовке фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.»

А.К.: В советское время была масса изданий по Великой Отечественной войне. Патриотизм был официальной идеологией. Зачем нужно писать новую историю?

Е.Ч.: Два с половиной года назад В.В. Путин предложил министру обороны заново подготовить историю войны, подчеркнув при этом – «правдивую»! И вот началось с того, что сразу стали умалчивать о Сталине. Выступали так называемые «вопрекисты»: «немцев мы победили вопреки Сталину». Сталин не воевал что ли, или вредил, или пьянствовал?.. Но он же был Верховным Главнокомандующим, почему-то сейчас боятся это сказать. Имя Сталина связано с преступлениями, поэтому все неудачи, преступления перекладывают на него.

А.К.: Получается, что ради того, чтобы похоронить Сталина, некоторые готовы похоронить Великую По-

беду? Но ведь есть среди них люди умные и, я бы даже сказал, русские. Вот, к примеру, писатель Астафьев... Талантливый и совестливый. Как можно купить человека? Не за деньги же он продавался.

Е.Ч.: Нет, конечно, но его убедили: вот, смотрите сами, сколько было преступлений, ГУЛАГ, Сталин — злодей... Ельцину это было важно, так же как и Хрущеву в 56-м на XX съезде, чтобы отмыться самому. Чтобы самим выйти чистенькими.

А.К.: У католиков есть юридическая теория искупления — сколько нужно заплатить, чтобы искупить первородный грех, — отсюда же идея индульгенции... В рассуждении о войне приемлем ли вообще такой юридизм? Допустим, правомерно положить пять миллионов народу, неправомерно — двадцать... Сейчас все разговоры о Великой Отечественной войне идут в основном в таком юридическом ключе: сколько позволительно угробить граждан. Мы слышим названия передач по телевидению «Алтарь победы», «Цена победы»... Оправдан ли, на ваш взгляд, такой подход?

Е.Ч.: Наполеон уничтожил всё мужское население Франции, причём во имя чего? Во имя завоевательных войн. Мы понесли огромные потери во имя защиты нашей Родины. Наполеон сейчас во Франции — великая фигура, попробуйте, скажите что-нибудь плохое о нём во Франции. Поймите, я не сталинист, я сам из «бывших», из репрессированных. У моей жены отец был Татаржицкий, полуполяк, полурусский, его расстреляли в 37-м году вместе с Тухачевским, нашли фотографию, где он стоит рядом, он воевал в Гражданскую войну против поляков с Тухачевским. Вокруг меня летели головы, потому что я принадлежал к «бывшим». Нас не тронули, отец рано умер, мне было полтора года, у матери на руках осталось еще двое приемных детей от первого брака отца. Только выгнали из квартиры, у нас осталось вместо пяти комнат две.

А.К.: Вам не мешали получить образование?

Е.Ч.: Нет, никто мне не мешал. Я был пионером, потом вступил в комсомол, потом в партию. Всё это было известно. Я спрашивал маму, как мне написать о моем происхождении? У нас в роду есть военные, духовенство, купцы, почетные потомственные граждане — родословная сложная. Она сказала: «Пиши, что ты из деловых кругов». Когда я закончил Военный институт иностранных языков в 1949 году с отличием, то меня распределили в адъютантуру. Меня спрашивает начальник политотдела: «А вот вы написали, что вы из деловых кругов. Что это за деловые круги?» Генерал Ратов, который очень хорошо ко мне относился, говорит: «А разве вам не встречалось? Извозчик, полотёр, они не писали, что они из извозчиков, они писали: «делом занимался, из деловых кругов», это раньше так принято было писать». И даже рот не дал мне открыть.

А.К.: Чем вызвана смена точек зрения, самой риторики разговора о войне? Либерализацией нашего общества, общечеловеческими ценностями, или это некое сознательное «вбрасывание» определённых западных историков, стремящихся пересмотреть итоги Великой войны (например, показать, что определяющую роль играли союзники)?

Е.Ч.: Это одна из причин. Никаких общечеловеческих ценностей не существует, или, вернее, нельзя противопоставлять их национальным. Но в данной ситуации им ненавистна великая держава Россия. Всё-таки Великая Отечественная война — это был апогей советской власти. Апогей ее величия, возможностей. Россия стала великой державой, причём советская Россия.

А.К.: Даже многие из эмигрантов повернулись во время войны к Советскому Союзу.

Е.Ч.: Ни один народ в мире не имеет такой Великой Победы, когда страна изначально была на грани поражения. Любая война вообще состоит из побед и поражений, ведь только первого не бывает. Но поражения стали страшно раздувать. И очень выгодно говорить о том, какой ценой и т. д. и все неудачи связывать с именем Сталина.

А.К.: Некоторые знаковые события и подвиги той войны сейчас оспариваются, так, к примеру, пытались развенчать подвиг Зои Космодемьянской, геро-ев-панфиловцев, Александра Матросова.

Е.Ч.: Есть книга ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Г.А. Куманёва «Подвиг и подлог», где как раз происходит борьба за эти подвиги, за память о них, вопреки многим препятствиям, сопротивлению должностных лиц и инстанций, называющих эти деяния бессмысленными, никому не нужными. Эта книга вышла в 2007 г. тиражом всего 1000 экземпляров. Куманёву удалось добиться реабилитации и восстановления в звании Героя Советского Союза одного из 28 героев-панфиловцев, чудом уцелевшего в бою под Москвой, оклеветанного, обвиненного в сотрудничестве с немцами. Он пишет: «Под флагом борьбы за правду... стала распространяться очередная ложь, в основе которой нередко лежит стремление отдельных авторов нажать себе дешёвый политический капитал и известность на антипатриотической пропаганде, на бесчестных сделках с собственной совестью». А дальше можно вспомнить книгу «Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь», которая опубликована в 2009 г. Она была подготовлена группой специалистов из Генерального штаба и Министерства обороны под руководством

Подвеска авиабомб ФАБ-100 на пикирующий бомбардировщик Пе-2 ВВС Северного флота. Фото Е. Халдей, 1942 г.

Евгений Чельшев — старший сержант, стрелок-радист 140 СБП (скоростной бомбардировочный полк).
Авиационная база Сеца под Смоленском, 1941 г.

генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева и генерал-майора А.В. Кирилина. Здесь чёткий подсчёт: почти равные потери были боевые, военные. Но немцы уничтожали и гражданское население, и не только евреев, также славянские и другие народы нашей страны. А мы на территории Германии были всего два месяца и притом не ставили целью уничтожение населения. Эта известная цифра — потеря в 26 миллионов с нашей стороны — её можно понять как погибших на поле боя. Но это не так. Боевые потери вооружённых сил Советского Союза составляли 11,4 млн. Потери Германии — 8 млн, а вместе с союзниками — 10,3 млн. Но если сравнить общие безвозвратные демографические потери, то Советский Союз потерял примерно в два раза больше. Все эти цифры нужно уточнять, поэтому такая книга очень ценная. Над ней работали в течение 20 лет, это трудоёмкое научное исследование.

А.К.: А вам пришлось быть на территории Германии, в Европе?

Е.Ч.: Когда меня перевели в разведотдел, я какие там только должности не исполнял. Я был человеком у всех на виду — мальчишка, который знал немецкий язык. Я тогда уже довольно образованный был, и генерал Ушаков, командир нашего авиационного корпуса Резерва Главного Командования, брал меня с собой

на разные совещания, которые проводил И.Х.Баграмян, когда готовили операцию «Багратион», потом Черняховский, я все это записывал, умел писать боевые приказы. Бомбардировочный наш корпус сопровождал 5-ю Гвардейскую танковую армию маршала Ротмистрова, главную силу, которая освобождала Минск, затем Вильнюс. В октябре 44-го наши войска подошли к Кёнигсбергу, готовили штурм. В.А. Ушаков, командир корпуса, ко мне относился как к родному, мы два года с ним прошли бок о бок, всегда вместе. Я ещё в 42-м был сержантом, хорошо знающим немецкий язык. У меня до сих пор есть командировочное удостоверение: «С получением сего срочно явиться в управление ВВС Третьей ударной армии». И я туда отправился. И там уже были сбитые немецкие летчики, они сидели в подвале, некому было их допрашивать. Сбивали их так, чтобы они сели потом. Помню, был первый пленный, с которым мне довелось работать. Его звали Альфред Бехер, обер-фельдфебель. И это был мой дебют. Я по-немецки читал Шиллера, Гёте, Гейне, да и сейчас помню немецкие стихи и могу их читать без запинки, настолько с материнским молоком они впитались. Он был отпетый здоровый фашист, верзила, сказал, что ничего говорить он не будет, потому что давал присягу фюреру. Это был первый пленный, которого видели, и все наше командование собралось, и даже командующий ВВС Третьей ударной армии. Тогда еще авиация подчинялась наземным армиям, и было управление ВВС Третьей ударной армии генерала Пуркаева. Это только в мае 1942 г. началась реорганизация, был приказ о создании отдельных воздушных корпусов, армий. Управления при наземных армиях стали соединяться в воздушные дивизии, корпуса, армии. И было создано несколько корпусов Резерва Главного Командования. И вот командующим бомбардировочным корпусом и был генерал Ушаков. Истребительным корпусом командовал генерал Савицкий (дочь его летала в космос). Белецкий командовал штурмовиками. Эти авиационные корпуса поддерживали 5-ю гвардейскую танковую армию в операции «Багратион» летом 1944 года, а я был офицером связи от авиационного корпуса.

А.К.: Удалось вам тогда пленного расколоть?

Е.Ч.: Он сказал: «Я отвечать ничего не буду, я потерял ориентировку, была плохая погода, я за это понесу наказание, но придет весна, наша армия начнет наступление, займём Москву, и больше я ничего говорить не буду». И он посматривал на всех, как затравленный волк, и на меня в том числе, он был примерно на голову выше меня, а я был мальчишкой 20-летним. И тогда полковой комиссар Ивлев говорит: спросите у него, зачем Гесс перелетел в Англию. Гитлеровский ближайший помощник полетел в Англию, чтобы уговорить англичан заключить сепаратный мир против Советского Союза. Он сказал, что ничего не знает об этом. Я спросил разрешения: раскачать его. Как? Мы же воевали не с великим немецким народом, не с его культурой, а с фашизмом, который немцев оболванил. И я ему это и сказал, и чтобы доказать, прочитал ему стихи Генриха Гейне (читает по-немецки «Лорелею» Гейне). У него губа отвисла, и он смотрел на меня такими удивленными глазами. И потом он все время смотрел на меня совершенно по-другому, не с той злобой, с которой смотрел на офицеров.

Экипаж советского пикирующего бомбардировщика Пе-2 после вылета

Нас интересовал аэродром в Кёнигсберге. Мы тогда еще не думали о Кёнигсберге, но этот аэродром был базой, которая подпитывала все немецкие эскадры, которые воевали на Калининском и Северо-Западных фронтах. Но его коллеги, которые с ним летали, молодые ребята, были мобилизованы из гражданского воздушного флота. Штурман и радист. Они присяги не давали и все нам рассказывали, даже начертили карту аэродрома. Потом, уже после войны, мне Ушаков сказал одну вещь, которая очень сильно на меня повлияла. Я часто заходил к нему в Ленинграде, он был начальником Военно-воздушной академии, потом вышел в отставку, жил на проспекте Суворова. Появлялся коньяк, и мы говорили о войне. Как-то он вспомнил о пленном немце и сказал: «Если бы наши пленные вели себя так же, как он вёл себя в плену, то, может быть, немцы не дошли бы до Сталинграда». Помню эти его слова.

А.К.: А что с этим немцем потом было?

Е.Ч.: Наш штаб находился в городе Торопце. Вечером у нас были танцующие, девчонки, я совершенно по-другому почувствовал жизнь. Самолеты взлетали с замерзших озер, никаких аэродромов не было, зима. Сержант с автоматом, который приводил пленных, был ещё и заведующим трофейным складом в сарае. Я искал у него в трофе-

ях немецко-русский словарь, как-то ему принес самогон, мы с ним потом подружились. Я его спросил про Альфреда Бехера, знает ли он, что с ним произошло. Он рассказал мне следующее. В Торопец каждое утро прилетала девятка немецких юнкеров, бомбили железнодорожный вокзал, потому что это был перевалочный пункт, дальше поезда не ходили, на Великие Луки ездили только машины и подводы, там был уже рядом фронт, слышна была стрельба. Наши истребители не могли их достать, тогда «ишаки» были, И-16. Когда они начали в очередной раз бомбить, этот пленный немец начал аплодировать, караульный заметил. И при попытке к бегству его застрелили из автомата. Я даже не стал этого говорить Ушакову, у него с сердцем было плохо, нельзя было волновать.

А.К.: Откуда вы так хорошо немецкий знаете?

Е.Ч.: Мама моя, Клавдия Михайловна Чельшпева, была из бывших, из потомственных почетных граждан, с бонной-немкой воспитывалась. Она была дочкой купца первой гильдии М.А. Соколова. Когда начали сбивать немецкие самолеты в январе 1942 года, когда рванула там наша ударная армия генерала Пуркаева под Великими Луками, когда котлы образовались на Калининском фронте с окруженными немцами — Демянск, Старая Русса, Холм, стали немцы туда летать — бро-

Академик РАН Е.П. Челышев и полномочный представитель Правительства РФ в Государственной Думе А.В. Логинов

сать им оружие, теплые вещи, продовольствие, вот здесь наша авиация, старая уже, из переоборудованных учебных самолетов состоявшая, уже прошло несколько месяцев, когда вся наша современная, новых образцов, авиация на аэродроме сгорела, немцы ее разбомбили, я как раз попал, остался «безлошадником». Я летал на Пе-2 стрелком-радистом.

А.К.: «Пе» — это что?

Е.Ч.: Петляков. Двухкилевой. Двухмоторный бомбардировщик. Я окончил в 1939 г. десятилетку, поступил в Институт химического машиностроения, и был приказ наркома, что всех студентов, которых приняли в институты, направить в школы младшего командного состава. Война в Финляндии была довольно неудачной, поэтому всех призвали в армию, поступил в институт, не поступил. Всего за 8 месяцев я окончил сержантскую школу. Стрельба из пулемета, радиосвязь, сбрасывание бомб.

А.К.: Расскажите о вашем участии в Параде Победы.

Е.Ч.: Я участвовал в Параде Победы старшим лейтенантом. Жалко, что нам не выдали тогда парадную форму. Это же было сразу после войны, ничего не было. Я ушёл из армии в 56-м подполковником, потом мне присвоили полковника. Видели «Книгу памяти»? Она вышла к 50-летию Победы. Мне эту книгу вручал генерал армии Говоров. Первая часть — полководцы. Вторая часть — «200 известных деятелей России, участников па-

рада Победы», среди них был и я. Я был тогда академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН, членом Президиума Академии.

А.К.: А как вы относитесь к тому, что на парадах 9 мая мавзолеем задрапирован триколором, и руководство не поднимается больше на трибуну мавзолея, стоит на специально сооруженной рядом трибуне. Вы считаете, это правильно?

Е.Ч.: Я к этому отношусь с пониманием. Мы живём в обществе, в котором много противоречий. Очень много разных направлений: и либерально-демократическое, и национально-патриотическое, и каких ещё только нет. Я думаю, то, что сейчас делается, делается для того, чтобы «не дразнить гусей», т.е. не обострять противоречий между этими позициями, делается это в какой-то степени верно. Недавно я смотрел две передачи по ТВ, мне они понравились. Одна из них — круглый стол, который ведёт В.Т. Третьяков. И там директор Института российской истории — чл.-корр. Сахаров — говорил о том, надо ли нам и дальше усиливать процесс десталинизации. Надо ли вынести какой-то вердикт, что имя Сталина не совмещается с нашим государством, с Победой, что он больше сотворил зла, чем пользы, и т.п. Кто-то поддержал, а вот Третьяков, подводя итоги беседы, сказал, что проводить десталинизацию можно только тогда, когда произойдут какие-то события в нашей стране, которые по своему значению и величию приблизят-

ся к Великой Победе. Ещё очень сильно выпячивается колаборационизм. Якобы власовцы боролись не против русского народа, а против сталинского режима. Другой телеведущий — Млечин — правильно сказал, что это всё предатели Родины, и даже Гитлер не доверял власовским подразделениям и Власову, потому что предатели могут предать снова, ещё раз. И генерал Деникин, и великий князь Кирилл Владимирович, и философ Бердяев, и многие другие русские эмигранты не хотели идти ни на какие контакты с власовцами. А те-то как раз хотели привлечь на свою сторону известных людей. Но война-то была не против режима, она была против России. Гитлеру мешала не коммунистическая идеология, а держава, стоящая на его пути к мировому господству.

А.К.: Конечно. Идеологии как раз во многом сходны. А сейчас какие-то попытки реабилитации Власова и его людей предпринимаются?

Е.Ч.: Некоторые делают такие попытки. Очень быстрый всё-таки произошёл перелом. Когда возникла идея проведения у нас конгрессов соотечественников, в 1991 — 1992 годах, начиналось это при Горбачеве, а потом Ельцин проводил, я был академик-секретарь отделения литературы и языка. В Москве Конгресс соотечественников был в 91-м году, это было впервые после враждебного отношения властей к «гнилым эмигрантам». Тогда президент страны обратился к президенту Академии Г.И. Марчуку, чтобы создали в академии Комиссию по разработке научной программы конгрессов. Меня сделали председателем этой комиссии, туда входили академики А.С. Панченко, Д.С. Лихачёв, Ж.И. Алфёров, Н.И. Толстой... И я поехал в Париж, чтобы установить контакты с нашими эмигрантами. Перед тем, как туда ехать, разговаривал с С.А. Филатовым — он был руководителем администрации у Ельцина. Он очень толковый человек, я хорошо знал его отца, он был член Союза писателей, работал на заводе «Серп и молот», много сделал для популяризации наследия Есенина и мы с ним очень часто общались вокруг есенинской темы, отдыхали вместе. Я сказал тогда Филатову: «Эмигранты же у нас очень разные есть, есть активные борцы против СССР». Он мне сказал: «Делайте так, как считаете нужным, главное, чтобы они приехали на конгресс. Нам не важны идейные расхождения, которые между ними существуют». И я со всеми с ними встречался — и с НТС-овцами, и с бывшими власовцами. Конечно, они настаивали на том, что Власов воевал не с русским народом, а с советским режимом. Но как это можно было отделить друг от друга? У нас действительно был мощный синтез коммунистических и национально-патриотических идей.

А.К.: Этот синтез был искренним? Или это была технология, так как Сталину понадобились духовные опоры?

Е.Ч.: Тут трудно сказать. Некоторые сейчас говорят, что Сталин знал об иконах, которые вокруг Москвы проносили, и что он чуть ли не молился, оставшись один. Но документально нигде это не подтверждено. Была большевистская идеология, классовая борьба, гражданская война ещё не кончилась. В течение всего сталинского тридцатилетнего режима никто не подписал никаких мирных соглашений об окончании гражданской войны. Врангель был вынужден эмигрировать и пере-

Благодарность за отличный бомбовый удар по узлу сопротивления немцев на северной окраине белорусского города Орша. Фотографии членов экипажа пикирующего бомбардировщика Пе-2, аэрофотосъемка разрывов сброшенных бомб. Время съемки: июнь 1944 г.

дислоцировать все свои войска в Константинополь, а потом уж и по всему миру, организовал Общевоинской союз. Но гражданская война продолжалась, только другими методами. И не только без вины сажали людей, но и тех, которые реально старались изменить нашу социально-экономическую формацию. Вот недавно передавали фильм о Тухачевском, где показано, как реально созрел заговор среди военных. Тухачевский встречался с Калининным, с Будённым, уговаривал их принять участие в каких-то акциях против Сталина и советской власти, метил на пост руководителя государства. Хотели того режиссёры или нет, но получилось так, что Тухачевский действительно готовил заговор, и то, что Сталин пресёк этот заговор — зачем накануне войны внутренние проблемы в высшем командовании?

А.К.: А то, что к 43-му году на свободе осталось только четыре епископа Русской православной церкви? Ведь Сталин «почистил» не только армию, но фактически попытался истребить Церковь.

Е.Ч.: Я бы не хотел обелять Сталина ни в коем случае. Но во время гражданской войны Церковь поддерживала, естественно, не красных, а белых, встречала их с «хлебом-солью». Ещё раз повторяю, это не оправдание, это попытка проникнуть в психологию Сталина. Церковь была символом России — дореволюционной, монархической. Учёным нужно спокойно разобраться, с документами, где правда, где вымысел, где умышленные фальсификации, где просто ошибки. Ведь действительно, во время войны руководство совсем по-другому стало смотреть на религию, на Православную церковь. Например, митрополит Алексей I во время всей Ленинградской блокады служил в православном храме в Ленинграде, люди ходили на богослужения. Был у нас замечательный поэт, его

Указом Президента Российской Федерации от 27.05.2007 № 658 за выдающийся вклад в развитие гуманитарных наук и многолетнюю плодотворную деятельность академик-советник Российской академии наук Челышев Евгений Петрович награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. На фото — церемония вручения ордена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным

почему-то мало сейчас знают, Алексей Недогонов, он получил Сталинскую премию за поэму «Флаг над сельсоветом». В конце войны он написал стихотворение «Храм святого Николая на Шипке»:

*Я к храму шёл боями славы,
Сквозь Сталинград, сквозь огонь и дым,
И я оружием добыл право
Стать на колени перед ним.*

Понимаете? Блок в поэме «Двенадцать» что больше воспевал? Его приятие революции было романтическим и опосредованным христианскими символами. Это противоречие русского сознания, попытка осмыслить происходящее через противоречие. Сейчас много спекуляций, например, что 7-я симфония Шостаковича не связана с героическим духом ленинградских блокадников, а связана скорее со сталинскими репрессиями. Сам Шостакович говорил о том, какое мужество он наблюдал вокруг себя, это, в свою очередь, очень сочетается со стихотворением Анны Ахматовой «Мужество», написанным в 1942-м.

А.К.: В музыке вообще бессмысленно искать прямое отражение смыслов. Всё-таки композитор, художник пишет то, что он чувствует.

Е.Ч.: А дальше люди додумывают, перекраивают, пытаются представить в новом свете, не сообразуясь с фактами, вольно. Вот есть у Пастернака стихотворение «Победитель»:

*Как он велик! Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Всё, что возможно на земле и в небе,
Им вынесено и совершено.*

Это после того, как полностью сняли блокаду. Но вот совсем другой Пастернак:

*...А в те же дни, на расстоянии за древней каменной стеной
Живёт не человек, — деянье: поступок ростом с шар земной.*

Стихотворение опубликовано в «Правде» в 36-м году. Так что сталинская тема требует очень серьёзного подхода, не терпит одностороннего отрицания или возвеличивания. Сталин был великой, неразгаданной личностью...

А.К.: Кончилась советская эпоха, которая в определённом смысле была инерцией Победы. Начнется новая война, война памятников. Таллин, Кутаиси. Какую позицию здесь должна занимать страна? Должны ли мы закрывать глаза? Ссылаются, например, на отсутствие у памятника эстетической ценности, называют её советским агитпропом. Храмы тоже при Советах сносили под предлогом их эстетической бездарности, причем так мы потеряли и ряд шедевров.

Е.Ч.: Я думаю, что на этот вопрос очень хорошо ответил Янукович. Он сказал об Отечественной войне, что «мы будем вместе отмечать нашу Великую Победу». Обещал к юбилею Победы отменить всё то, что сделал Ющенко по поводу Бандеры и националистов, которые боролись против Красной армии и, естественно, были врагами нашего государства.

А.К.: Если нет Победы, то нет и важнейшей скрепы национального духа. Любая историческая память — это толща родовой памяти, где каждое событие прорастает через почву многих предшествующих поколений. У меня вообще такое ощущение, что у нас патриотичная молодёжь. Гораздо более патриотичная, чем среднее поколение.

Е.Ч.: Важнейшие составляющие, определившие величие нашей Победы, должны оставаться бесспорными, переписывать это невозможно. Совершенно очевидно, что в обществе идёт напряжённый диалог о Великой Отечественной войне. Идёт полемика и в нашей исторической науке. Сталкиваются не просто различные мнения, даются не просто различные оценки, но мнения и оценки порой приобретают полярный характер. Плурализм мнений грозит перерасти в раскол общества, что совершенно недопустимо и неприемлемо. В оценке Великой Отечественной войны следует, несомненно, принимать во внимание все факторы, характеризующие это величайшее событие в истории. Но никакие расхождения во мнениях не должны принижать величие народного подвига в этой войне, приуменьшать решающий вклад нашего народа в достижение Победы. Какие бы новые импульсы, запросы в нашем общественном развитии ни возникали, это основное должно быть сохранено.

á

Война — это прежде всего практическая деятельность. Нельзя стать хорошим водителем, лишь сидя в библиотеке и изучая учебники, так же как нельзя научиться играть на скрипке, только читая партитуры. Точно так же никакие книги или теории, какими бы глубокими они ни были, сами по себе не приведут к победе.

Мартин ван Кревельд.
Трансформация войны

